

Брайан Ирвайн — «Газете»

«Мой ансамбль для меня — большая игрушка»

Сегодня в Театральном зале Дома музыки выступит Brian Irvine Ensemble — уникальный коллектив, на концертах которого в бешеной импровизации сливаются фри-джаз и панк-рок, академическая музыка и хип-хоп. Лидер ансамбля, композитор из Северной Ирландии Брайан Ирвайн, рассказал Григорию Дурново о своих творческих принципах, идейных вдохновителях, знакомстве с музыкой Сергея Курехина. К разговору присоединился скрипач Роман Минц, участник ансамбля, один из идеологов фонда «Возвращение» и инициаторов приезда Ирвайна в Россию.

Вы можете сказать пару слов о музыкантах, которые сейчас играют в вашем ансамбле?

Я организовал этот ансамбль примерно шесть-семь лет назад. Его неизменное ядро составили шесть музыкантов — мои друзья, тоже из Северной Ирландии, они играли и в остальных моих проектах. Потом стали приходить новые люди, вот, например, Роман появился три года назад. В результате этот ансамбль получился, на мой взгляд, лучшим из всех, какие у меня были. Дело в том, что при отборе музыкантов всегда главное — личность, мы находим интересных людей и пытаемся соединить их друг с другом. Группа — это люди, индивидуальности, а инструменты, на которых они играют, на самом деле не так важны.

Они все с разной музыкальной подготовкой?

Да. Например, басист Фил Смит играл в рок-группах, у него нет никакого формального музыкального образования. Пока. Виолончелист Скотт Херон — музыкант с классическим образованием. А барабанички Стив Дэвис и Эндрю Лейвери пришли в мой ансамбль после игры в разных шоу в Северной Ирландии.

В ваших произведениях всегда есть место импровизации?

Да, но интересно, что, когда я сочиняю, я никогда не указываю, где должна быть импровизация. Я выписываю все точно, так что мы могли бы сыграть вещь совсем без импровизации.

А вы действительно так играете?

Нет, никогда! (Смеется.) В общем, в результате мы всегда играем по-разному, импровизируем то здесь, то там. Это зависит от многого, от ощущений. У нас был концерт в Польше, в огромном соборе с каменными стенами. Там чересчур объемный звук, поэтому мы сыграли всего четыре-пять вещей вместо обычных девяти-десяти. Большую часть концерта мы импровизировали, потому что атмосфера и место подсказывали нам, что мы должны сделать нечто необычное. Мы немного пели, играли больше басовых партий, они хорошо звучали там.

Вы когда-то говорили, что поступили в американский

Композитор-шоумен

Брайан Ирвайн родился в Белфасте в 1965 году. Играл в панк-группах, после чего переключился на фри-джаз. Учился джазу и академической музыке в престижных музыкальных колледжах США и Великобритании. Лауреат разнообразных премий. Автор произведений для разного состава исполнителей, опер, музыки к фильмам. Brian Irvine Ensemble был создан в 1999 году, в настоящий момент кроме дирижера Ирвайна в него входит 13 человек — музыканты с академическим и джазовым образованием, рокеры, рэппер.

джазовый колледж Беркли, потому что там учился Куинси Джонс. Он действительно так на вас повлиял тогда?

Это правда только отчасти. Мне нравится Майкл Джексон (смеется)... как человек... а Куинси Джонс — его продюсер! На самом деле Беркли кажется гораздо более интересным местом, когда тебя там нет. Приезжаешь туда, и это оказывается очень ограниченной средой, хуже, чем любое учреждение, связанное с классической музыкой. Примерно так: если ты саксофонист — ты будешь играть, как Майкл Бреккер, если барабанщик — как Элвин Джонс, если гитарист — как Пэт Метини, и так далее...

Роман Минц: А Брайан всегда хотел играть в The Jackson Five (ансамбль, в котором начинал Майкл Джексон. — «Газета»)?

В вашем нынешнем ансамбле вы на чем-нибудь играете?

Нет, я раньше играл на клавишных или на гитаре, и я по-прежнему хотел бы играть, но этот ансамбль стал чем-то вроде моего инструмента. Он как огромная игрушка, и для меня важнее, чтобы я мог с ней играть,

а это не получалось бы так хорошо, если бы я играл на рояле. Я могу поворачиваться, махать руками, танцевать...

Вы когда-нибудь принимали участие в чьих-нибудь чужих проектах?

Да, не раз. Но сейчас мы по большей части внедряем кого-нибудь в наш ансамбль, к нам многие приходят, ди-джеи, рэпперы. Я думаю, что в эту группу вписаться легче, чем в другие.

Если я не ошибаюсь, вас часто вдохновляют на сочинение какие-то немзыкальные явления.

Я полагаю, что это просто продолжение всего, чем ты являешься, всего, что ты видишь, слышишь: людей, жизни, все это бесконечный источник для творчества, вспышку может вызвать что угодно.

Бывало ли, что вас вдохновляло что-нибудь из общественной, политической жизни?

Думаю, в большей степени на подсознательном уровне. Когда я рос в Северной Ирландии, вокруг было полно жестокости, я ненавидел все это и не хотел

иметь ничего общего с Ирландией. И в последнее время я думаю, что та музыка, которую мы делаем, отражает среду, в которой мы жили. Потому что жизнь в Северной Ирландии — это потеря идентичности: ты и не британец, и не ирландец, кто-то посередине... Поэтому и мы хватаем отовсюду самую разную музыку — кантри, джаз, классику.

Сейчас в Северной Ирландии такая же ситуация с этой точки зрения?

Вещи меняются в политическом смысле, но это меня совершенно не интересует. Странно, но единственный способ для меня оставаться в Ирландии и любить это место — это внутренне быть вне ее. У меня нет национального самосознания, и я не думаю, что у кого-то из нас оно есть. Например, мы все нервничали, когда видим флаги, потому что в Ирландии флаги были способом заявить, что ты протестант или католик, они использовались для ужасных дел, поэтому мы не можем их видеть.

В ваших концертах присутствует театральный элемент, костюмы?

Нет, все очень серьезно. (Смеется.) Забавно, ведь дирижер, если задуматься, — это театральная фигура. Но чем больше я этим занимался, тем больше осознавал, что все это не столько театр, сколько создание звуков, так что катание по полу или прыжки до потолка — просто попытка найти немножко другой звук.

Вы получали дирижерское образование?

Нет, никогда. Впрочем, вы бы этого не смогли сказать, потому что я так хорошо дирижирую! (Смеется.)

Вы могли бы назвать каких-нибудь музыкантов, которые вас вдохновляли?

Да их столько, вы знаете...

Р.М.: Я, например.

Конечно, Роман, абсолютно. Интересно, что, когда я учился в колледже, в университете, очень редко ходил на занятия. Но вокруг были музыканты, можно было сказать: «Давайте соберемся и поиграем немного». Это единственное, что интересовало меня. А из тех, кто повлиял, — Сид Вишес, Джон Зорн, Вилли Нельсон, Джонни Кэш, Мессиян, не знаю... Take That... (Смеется.) Вообще у меня в голове такая мешанина из всего, что я слушаю, что мне действительно трудно сказать, кто на меня повлиял. Роман, наверное, повлиял больше, чем Джонни Кэш. (Смеется.)

Р.М.: Когда я познакомился с Брайаном, меня удивило, насколько хорошо он знает русскую музыку: Сергея Курехина, Владимира Чекакина, Вячеслава Ганелина, у него есть все их диски.

Да, я люблю Курехина. Лео Фейгин, директор британской звукозаписывающей компании Leo Records, эмигрант из России, мой приятель, познакомил меня с большим количеством русской музыки, давно, может быть, пятнадцать лет назад, когда Курехин был еще жив. Я видел по телевизору документальный фильм Лео, и там был Курехин с «Поп-механикой». И я сказал: «О, да это же то, что я хочу делать!» Это было еще до того, как я создал вот этот свой ансамбль.

Вы приехали сюда не только играть, но и проводить мастер-классы. Чему вы учите, что вы показываете студентам?

Вообще-то я ничему не учу. Я глубоко убежден: не важно, какой музыкант, какие у него возможности, какой инструмент. Просто у тебя в комнате куча людей, и ты можешь сделать что-нибудь поразительное.

Часто ли люди возмущались вашей музыкой?

Иногда, иногда. Но я не очень-то замечал, потому что люди не говорят мне после концерта: «Брайан, это худшее, что я когда-либо слышал».

Как вам самому кажется, насколько вы известны, и удовлетворены ли вы этим?

Я об этом не думаю. Не знаю, мне все равно. На улице, где я живу, примерно шесть домов, и там я определенно самый известный человек!

Ирвайн -
бравый

26.04.06